DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.072
УДК 821.161.1-32 Солженицын +
+ 811.161.1'366.5 + 81'42

Е. В. Петрухина
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РАСШИРЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале «Крохоток» А. И. Солженицына)

Целью статьи является концептуальный анализ употребления форм настоящего времени в миниатюрах А. И. Солженицына «Крохотки». Мы стремились показать релевантность грамматической семантики для исследования восприятия времени в языковом сообществе. Особенности русской временной системы, как известно, определяются взаимодействием грамматических категорий времени и вида. Презентные формы несовершенного вида выражают все типы настоящего времени, объединяя актуальное, обобщенное и метафорическое настоящее (настоящее историческое). Тем самым в русском языке создается механизм расширения настоящего. Образ времени в «Крохотках», определяемый в литературоведении как «укрупнение мгновения», приобретает особую значимость в связи с осмыслением тех описанных в социологии изменений в восприятии онтологических параметров времени, которые происходят под влиянием современных компьютерных технологий и интернета. В частности, претерпевают изменения представления о конкретном мгновении в линейном потоке времени и о границах настоящего. Анализ художественного образа времени проводится с опорой на методологию и методику филологического анализа художественного текста, изложенные в учебнике Л. Г. Бабенко (2004). Модель времени в «Крохотках» отличается, с одной стороны, эффектом замедления времени и сосредоточенностью повествователя на актуальном моменте с максимальной детализацией всех аспектов изображаемого события, а с другой — расширением границ текущего момента за счет его обобщения. Широкий диапазон семантики грамматического настоящего позволяет А. И. Солженицыну создать многомерный образ времени, раскрывающий ценность моментов жизни, с максимальной детализацией всех

аспектов изображаемого события и обобщения их значимости. Такой образ момента времени выступает как семантическая доминанта всего произведения, состоящего из семнадцати миниатюр. Для образа времени в этом литературном произведении большое значение имеет также композиция двух циклов «крохоток» — то, что оба цикла заканчиваются миниатюрами в форме молитв. Как литературный жанр, поэтическая молитва, сохраняя основные конституирующие черты религиозной молитвы, приобретает некоторые особенности, свойственные лирическому литературному произведению: позволяет художнику раскрыть глубинные пласты своего творческого и человеческого «я», высказать то, что обычно относится к области «невыразимого». Проведенный концептуальный анализ темпоральных моделей важен для определения хранящихся в русском языке когнитивных ориентиров в познании онтологии времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: темпоральные модели; настоящее время; филологический анализ художественного текста; А. И. Солженицын; «Крохотки».

1. Вступление

Не ослабевающий в гуманитарных науках интерес к категории времени связан со стремлением осмыслить изменения в его восприятии, вызванные влиянием компьютерных технологий и интернета, ставших частью современной культуры и вошедших в повседневную жизнь человека. Возрастание скорости информационного потока, количества технических и общественно-социальных нововведений в единицу времени, с одной стороны, ведет к «сокращению нашего пребывания в настоящем», которое «стремительно устаревает» [см.: Люббе, 94–100; Гаджиев], а с другой — создает концепт виртуального времени [см.: Заботкина, Коннова, с. 406; Strate; Ильинская, с. 26]. Глобальные спутниковые телекоммуникационные системы, онлайн-технологии в интернет-сетях, электронные и телевизионные СМИ, круглосуточно транслирующие новости, создают иллюзию одновременности разнородных процессов и событий, изменяя традиционные представления о линейном потоке времени и о настоящем [см.: Кастельс]. Виртуальное время интернета имеет нелинейную динамику с измененными онтологическими параметрами времени. Измеряемое скоростью информационных процессов и решения виртуальных задач, время в интернет-пространстве перестает быть длительностью — в бесконечно малый миг передаются гигантские объемы информации; и не воспринимается как линейно-однонаправленное — создается новая темпоральная структура, своего рода «вневременное настоящее». Связанное человеческим сознанием с реальным пространством и временем, виртуальное время оказывает влияние на их восприятие [см.: Ильинская, с. 25–27].

Язык объективирует человеческие знания, храня опыт предшествующих поколений в познании мира и законов бытия и делая их доступными для изучения [см.: Кубрякова, с. 306]. Запечатленные в языке знания о времени и его онтологических параметрах становятся орудием когниции, поэтому концептуальный анализ языковых данных значим не только для лингвистики, но и для

других гуманитарных наук [см.: Петрухина, 2015a]. Мы исходим из того, что грамматическая категория времени задает ориентиры в познании онтологии времени, при помощи которых осуществляется концептуализация времени человеком [Талми; Кубрякова, с. 305–355; Болдырев, Беседина]. Концептуальный потенциал грамматической категории времени полностью раскрывается в художественных образах времени.

Недавнее исследование С. М. Беляковой представлений о настоящем и будущем времени «в русском лингвокультурном пространстве», основанное на анализе употребления в Национальном корпусе русского языка лексических единиц — субстантивов *настоящее* и *будущее*, привело к парадоксальному, с точки зрения самого автора, выводу: «сфера настоящего — это в меньшей степени разработанная и структурированная область», чем сфера будущего [Белякова, с. 232]. Действительно, «текущее настоящее» не требует номинации или характеристики (в отличие от будущего или прошлого)¹ — оно непосредственно переживается человеком, с «текущим настоящим» в психологии связывают «непрерывный континуум субъективной реальности данной личности» [Дубровский, с. 104]. Поэтому для концептуального анализа «текущего момента» и осмысления его «онтологической реальности» ведущую роль играют не лексические средства, а грамматическая категория времени.

В данной статье в центре концептуального анализа находятся формы настоящего времени и их роль в создании особой модели² художественного времени, которая воплощена в «Крохотках» А. И. Солженицына, — модель «укрупнение мгновения жизни» [Колобаева, с. 40]. В своей работе мы опираемся на методологию и методику анализа художественного текста, изложенные в учебнике Л. Г. Бабенко «Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа» (2004), разделяя комплексный подход автора к литературному тексту (с использованием широкого круга достижений отечественной лингвистики).

2. Концептуальный потенциал граммы настоящего времени

Как и во многих других языках, в грамматической категории времени в русском языке центральное положение занимает настоящее время, относительно которого определяются другие временные планы и формы времени. При этом языки различаются степенью «разработанности» отдельных временных планов,

¹ Комплексный анализ отражения в русской языковой картине мира представлений, зафиксированных в исторической науке и в этнопсихологии, о восприятии времени в разные периоды существования русского этноса (о значимости прошедшего, настоящего или будущего) см. в: [Петрухина, 2015б].

² Под термином *языковая модель* мы понимаем интерпретацию содержательной структуры языковой категории, в данном случае категории времени; термин *художественная модель времени*, или *художественный образ времени*, представляет модификацию интерпретации данной категории в конкретном литературном произведении. При этом допускается множественность моделей времени, присутствующих в обыденном сознании и выражаемых в языке грамматическими, лексическими, в том числе и метафорическими средствами [Яковлева, с. 86].

комбинацией темпоральных смыслов и актуализацией разных положений события на временной шкале относительно момента речи.

Согласно наиболее распространенному определению граммемы настоящего времени в русском языке, представленному в академических грамматиках, работах А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и др., основным ее значением является одновременность действия с моментом речи. Наиболее ясно граммема настоящего времени реализуется в семантике одновременности конкретного действия и момента говорения, т. е. в актуальном настоящем [Бондарко, с. 65], которое среди частных значений форм настоящего времени занимает центральное положение. Формы настоящего времени могут выражать также актуальные для момента речи характеристики лиц и предметов по типичным для них действиям и процессам, например: *Андрей часто **опазды-вает***; потенциальным умениям и свойствам: *Ника **говорит** на нескольких языках*; *Этот материал совсем не **мнется*** и др. Соответственно, одновременность действия моменту речи как граммема настоящего времени в данном исследовании понимается широко: она охватывает не только длящееся в момент речи действие, но и действующие в момент речи определенные характеристики лиц и предметов, отношения, правила и законы. «Расширение настоящего» в русском языке связано с несовершенным видом — единая форма настоящего времени НСВ не противопоставляет актуальное («текущее») настоящее другим типам настоящего времени.

В лингвистике подробно описан метафорический механизм актуализации прошедших событий и модель расширения настоящего на план прошлого³ — при выражении так называемого «настоящего исторического» (*praesens historicum*) [см.: Бондарко, с. 142]; из последних отечественных и зарубежных работ о настоящем историческом см.: [Уржа; Падучева, 2010; Bjorling]. Как известно, в русском языке нет специальных морфологических средств для разграничения актуального и других типов настоящего, в отличие, например, от английского языка, в котором противопоставлены формы Present Continuous, основным значением которого является настоящее актуальное, и Present Indefinite (со значением настоящего исторического и настоящего неактуального). Поэтому можно сказать, что переносное употребление форм настоящего времени для выражения прошедших действий в русском языке представлено как метафорическое актуальное настоящее. Механизм актуализации прошедших событий дает возможность представить поток событий как единую цепь, первые звенья которой не утрачивают своей актуальности и в настоящий момент. Соответственно, «расширение настоящего» — это языковая темпоральная модель актуализации знаний говорящего о мире (характеристик, правил, законов и мнений других людей), а также прошлых событий, сохраняющих свою значимость для говорящего в момент речи.

³ В данной статье мы не рассматриваем метафорическое употребление форм настоящего времени для выражения будущих действий, имеющее в русском языке лексические и другие ограничения.

Художественный повествовательный текст в российской лингвистике рассматривается как вторичный дейксис, не связанный непосредственно с речевой ситуацией [Апресян, с. 632], точка отсчета не идентична моменту речи, так как повествователь не является полноценным говорящим. Временные формы интерпретируются относительно другой точки отсчета — текущего момента текстового времени [Падучева, 1996, с. 283]. Этой точкой может стать любое событие, о котором идет речь, но, по мнению многих исследователей, точка отсчета (момент наблюдения) в художественном нарративе тем не менее мысленно приравнивается к моменту речи [Маслов, с. 512], поэтому основой формирования модели времени в художественном тексте является прототипический временной дейксис [Бабенко, 2004, с. 196]. При этом у глагольных форм времени появляются новые функции. В частности, формы прошедшего времени выражают «некое условное, воображаемое, “эпическое» время», обозначающее не предшествование моменту речи, а лишь принадлежность событий к несуществующему, отдаленному миру литературного произведения [Маслов, с. 217]. Текстовые функции настоящего времени и при условной точке отсчета приближены к прототипическому дейксису, погружая читателя в описываемые события.

В следующем разделе рассматривается модификация модели «расширения настоящего» в художественном тексте — в минирассказах «Крохотки» А. И. Солженицына⁴, — реализующейся без каких-либо когнитивных нарушений прототипического дейксиса. Проводится концептуальный анализ, направленный на выведение из содержания всего текста и его грамматических, лексических и композиционных особенностей семантической доминанты. Понятие доминанты, как отмечает Л. Г. Бабенко [Бабенко, 2004, с. 324–332], стало одним из наиболее плодотворных понятий в филологической науке, что подтверждается его активным использованием в современном литературоведении, лингвистике текста, этно- и психолингвистике.

3. Темпоральная модель «укрупнения мгновения жизни» в «Крохотках» А. И. Солженицына

3.1. «Благодательны эти миги!»

Номинация «Крохотки» подчеркивает не только небольшой размер рассказов, но и особое эмоциональное отношение автора к своим «малым детищам» [Колобаева, с. 39]. По своим художественным особенностям они совмещают и повествовательные черты рассказов («это чаще всего “сгущенные” до грани афоризма рассказы, самый малый эпос» [Там же, с. 44]), и лирические особенности стихотворений в прозе. Существует целый ряд литературоведческих работ о семнадцати миниатюрах, составляющих данное произведение, об их

⁴ В дальнейшем изложении цит. по: [Солженицын, 2010].

тематических, жанровых и стилистических особенностях [см., например: Кодзис; Колобаева; Лавренов; Берестов], влияющих, конечно, и на образ времени в каждой миниатюре. Все «крохотки» объединяет один общий художественный принцип, имеющий непосредственное отношение к интерпретации времени, о котором пишут многие исследователи творчества А. И. Солженицына и который Л. Колобаева определила как «принцип укрупнения мгновения жизни» [Колобаева, с. 40]. Для творчества А. И. Солженицына такой принцип необычен: в его произведениях преобладает сжатие и уплотнение событий в повествовательном пространстве от «Одного дня Ивана Денисовича» до месяцев, лет, десятилетий или других «отмеренных сроков» в рассказах, повести «Раковый корпус», романе «В круге первом», военно-исторической эпопее «Красное Колесо» [Лавренов]. «Крохотки» же отличаются не сжатием, а замедлением времени и переживанием «мгновения жизни» с осознанием его ценности и значимости, сосредоточенностью на актуальном переживаемом моменте. Эффект замедления времени как художественный прием, создаваемый за счет «развертывания, растяжения с максимальной детализацией, конкретизацией всех аспектов изображаемого события» [Бабенко, 2004, с. 195], наблюдается во многих миниатюрах. Красочные зарисовки небольших сценок отражают актуальное настроение повествователя как участника описываемой ситуации.

Такая темпоральная модель связана с повествованием от 1-го лица, т. е. повествователь сам участвует в изображаемых и переживаемых событиях. В «Крохотках» во многих случаях повествователь является выразителем авторской позиции, а ряд описываемых событий совпадают с ситуациями из жизни А. И. Солженицына. Но все же это не мемуары, не дневниковые записки или путевые заметки — это лиро-эпические миниатюры, наполненные яркими бытовыми зарисовками с мельчайшими деталями и наглядными подробностями, выражающие внутренние настроения лирического героя, размышления о сокровенном. Поэтому повествователя нельзя полностью отождествлять с автором, хотя он и максимально к нему приближен.

Во многих «крохотках» (например, таких как «Дыхание», «Утенок», «На Родине Есенина», «Приступая ко дню», «Вязовое бревно», «Старое ведро» и др.) от субъективного восприятия конкретного события или даже конкретного предмета повествователь переходит к его осмыслению. Ассоциации с увиденным позволяют высказать серьезные мысли о поступках людей, о духе времени и исторических событиях. Формы настоящего времени используются при описании деталей конкретных наблюдаемых ситуаций, а также при изображении прошедших событий (со значением настоящего исторического) и при их обобщении. Например, в миниатюре «Дыхание» детально описывается радостное и благодарное восприятие лирическим героем весеннего сада после дождя, миниатюра заканчивается осознанием значимости такой возможности:

Я стою под яблоней отцветающей — и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напивает

воздух. Я его **втягиваю** всеми легкими, **ощущаю** аромат всюю грудью, **дышу, дышу**, то с открытыми глазами, то с закрытыми — не знаю, как лучше... Пока можно еще дышать после дождя под яблоней — можно еще и пожить!

В мини-рассказе «Гроза» выраженное формами прошедшего времени описание увиденного удара молнии в дерево завершается обобщающей ассоциацией:

Среди высочайших сосен избрала молния и не самую же высокую липу — а за что? И от верха, чуть ниже маковки, — прошла молния повдоль и повдоль ствола, через ее живое и в себе уверенное нутро. ...Так и нас, иного: когда уже **постигает удар** кары-совести, то — через всё нутро напрострел, и через всю жизнь вдоль.

В других «крохотках» содержатся размышления автора о типичных ситуациях без отталкивания от конкретного события («Город на Неве», «Утро», «Лиственница» и др.). В миниатюре «Утро» повествователь сразу начинает с обобщения, основанного на его личном опыте. Описывается повторяющаяся ситуация, но в таких ярких подробностях, что перед нами предстает описание субъективного восприятия конкретного и одновременно типичного утра:

Что **происходит** за ночь с нашей душой? В недвижной онемелости твоего сна она как бы **получает** волю, отдельно от этого тела, пройти через некие чистые пространства, освободиться ото всего ничтожного, что налипало на ней или морщило ее в прошлый день, да даже и в целые годы. И **возвращается** с первозданной снежистой белизной. И **распахивает** тебе необъятно спокойное, ясное утреннее состояние.

В последней части миниатюры подчеркивается типичность утренних переживаний для лирического героя:

Благодательны эти миги! Ты — выше самого себя. Ты что-то несравненное можешь открыть, решить, задумать — только бы не расколыхать, только б не дать потревожить эту озерную гладь в тебе самом... Но что-нибудь вскоре непременно **встряхивает, взламывает** чуткую ту натяженность: иногда чужое действие, слово, иногда твоя же мелкая мысль...

Формы настоящего времени со значением настоящего исторического укрупняют прошедшие события, например, длившиеся всего лишь несколько минут, как в «Колоколе Углича»:

Я — **бью**, единожды. И какой же дивный гул **возникает** в храме, сколь многозначно это слитие глубоких тонов, из старины — к нам, неразумно поспешливым и замутненным душам. Всего один удар, но **длится** полминуты, а **додлеается** минуте полную...

Соотношение семантики форм настоящего времени в анализируемых текстах подтверждает вывод, сделанный ранее автором этой статьи о том, что частные значения НСВ (актуально-процессное, неограниченно-кратное, общефактическое) взаимосвязаны и организованы в единый континуум без резких границ [Петрухина, 2013].

Ключом к пониманию образа времени в «Крохотках» и семантической доминанты всего произведения является предложение *Благодарительны эти миги!* Надо только в бытовой суете заметить глубокую «серьезность жизни, ее нерастеребленный смысл» («Сумерки»), понять неповторимую ценность каждого прожитого дня («Завеса»). По мнению Е. А. Яковлевой и Л. Г. Бабенко, *миг* и *мгновение* в русском языке «обычно используются для изображения особого эмоционального мироощущения сверхкратного, уплотненного времени какого-либо значительного события... для изображения исключительного, надбытового времени, в котором происходят уникальные, особо значимые события» [Бабенко, 2004, с. 201; см. также: Яковлева, с. 91]. Таким событием, по А. И. Солженицыну, может стать каждое мгновение жизни.

3.2. Диалогичность «Крохоток» и темпоральная семантика глагольных форм

Усилению процессного элемента в семантике форм настоящего времени НСВ способствует особая нарративная стратегия «крохоток» — их диалогичность, обращенность к читателям. Возникает ассоциация с первичным дейксисом и прототипической ситуацией общения, в которых и реализуется обычно конкретно-процессное значение НСВ. Обращение, призыв может быть выражен явно: *Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули — езжайте в такси* («Колхозный рюкзак»). Диалог может приобретать форму беседы повествователя с самим собой: *Неужель не прорвут они эту черту обреченности? Прорвут! еще — в силах* («Позор»). Особой диалогичностью обладают две миниатюры, которыми заканчивается каждый из двух циклов, — это «Молитва» (1958–1963) и «Молитва о России» (1996–1999), о которых речь пойдет ниже.

Хотя режим интерпретации в «Крохотках» соответствует нарративному режиму и временные формы интерпретируются относительно текущего момента текстового времени [Падучева, 1996, с. 283], элементы диалогичности способствуют приобретению предикативными единицами свойств, характерных для первичного дейксиса (с центром в виде «говорящий, сейчас, здесь»).

Особых комментариев требует функционально-семантическая характеристика форм повелительного наклонения, которые «рассыпаны» по всему тексту миниатюр, а в одной миниатюре — «Молитве о России» — преобладают над другими глагольными формами. Как известно, повелительное наклонение не имеет форм времени. Действие, к которому призывает говорящий, еще не реализовано, оно нереальное, потенциальное, может быть выполнено в будущем (по отношению к моменту высказывания), но может и остаться неосуществленным. Мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что формы императива отсылают к дейктической ситуации момента речи, т. е. повелительное наклонение, не имея форм времени, тем не менее, указывает не только на потенциальность действия, выраженного формой императива, и тем самым на его семантическую связь

с будущим временем, но и на то, что побуждение к действию адресата совпадает с моментом речи. В связи с функционально-семантическим микрополем побудительной модальности говорят не только о семантических признаках потенциальности, каузативности, желательности, но и о перформативности [Пробст, с. 27], так как иллокутивный акт побуждения к действию реализуется в момент речи.

3.3. Модель времени в «Молитвах» А. И. Солженицына

Тот факт, что оба цикла «Крохоток» заканчиваются молитвами («Молитва», «Молитва о России»), свидетельствует об их особой роли, усиливающей лиро-философский настрой данного произведения⁵.

В богословской литературе выделяют три типа молитв по жанру: «просительные, благодарственные и славословия. Первые — молитвы в собственном смысле» [Христианство, с. 142]. Молитва как обращение к Богу, внутреннее или устное, диалогична по своей природе, но не предполагает вербально выраженной реплики-реакции: «говорящий произносит молитву в надежде на ответ, который выражен невербально» [Бердникова, с. 381]. Как литературный жанр, поэтическая молитва, сохраняя основные конституирующие черты религиозной молитвы, в том числе апеллятивный характер и диалогичность, приобретает особенности, свойственные лирическому литературному произведению: позволяет «художнику раскрыть глубинные пласты своего творческого и человеческого “я”, высказать то, что обычно относится к области несказанного» [Руденко, с. 11]. В поэтической молитве реализуется речевой жанр просьбы-мольбы: «автор — лирический субъект, адресат — это Бог», при этом происходит «психологическое самовыражение лирического субъекта, объясняющего смысл просьбы мытарствами пройденного жизненного пути» [Бабенко, 2012, с. 9].

«Молитву» из первого цикла «Крохоток» можно назвать благодарственной, здесь подводятся некоторые жизненные итоги. Семантика преобладающих здесь форм настоящего времени НСВ со значением актуального и узуального настоящего, а также дативных конструкций с инфинитивом и нулевой связкой со значением расширенного настоящего соответствует выраженному утверждению: «Ты есть!» Ср. употребление данных форм в приводимом ниже отрывке:

Как *легко мне жить* с Тобой, Господи!
 Как *легко мне верить* в Тебя!
 Когда *расступается* в недоумении
 или *сникает* ум мой,
 когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
 и *не знают*, что надо делать завтра, —

⁵ Судя по автобиографическим очеркам «Угодило зернышко промеж двух жерновов», у А. И. Солженицына был реальный молитвенный опыт: «С опасением думал, где ж набраться сил для пространного перемещения по России с весны и как бы от пятилетней стенокардии освободиться хоть на время? Убежденно говорю: повседневная молитва, месяцами, — и вера в ее исполнение» [Солженицын, 2003, с. 90].

Ты **снислаеши** мне ясную уверенность,
что Ты **есть**
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты...

В «Молитве о России», завершающей второй цикл «Крохоток», реализована каноническая форма христианской молитвы, где преобладают формы повелительного наклонения⁶, выражающие мольбу лирического героя, обращенную к личностному Богу:

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадную
не покинь в ошеломлении нынешнем,
в её израненности, обнищании
и в смутности духа.
Господи Вседержитель!
Не дай ей, **не дай** пресечься:
не стать больше быть.
Сколько прямодушных сердец
и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, —
не послуживши во имя Твое!
Из глубин Беды —
вызови народ свой неукладный.

Ряд форм повелительного наклонения, неоднократное повторение одной формы (**Не дай ей, не дай пресечься... Не дай им загинуть**) выражает дерзновенную мольбу. Нашими современниками эта молитва о России воспринимается «как утверждение контакта Бога и молящегося в качестве необходимого условия “сбережения народа”» [Цынк], «как будто весь мир при этом висит на волоске, готовый по слову Божьему повернуться либо в одну, либо в другую сторону» [Дударев].

«Молитвы» выступают как кульминационные вершины выраженного в «Крохотках» призыва остановиться «в суете дня» («Сумерки»), почувствовать «благодательные миги» («Утро»), связывая «миги жизни» с вечностью. Эта связь косвенно выражена и в приведенных выше обращениях к Богу, а в миниатюре «Путешествуя вдоль Оки» эксплицитно, лексически: в призыве «отдать час и отдать мысли вечности», который лирический герой слышал в колокольном звоне:

И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, **отдать час и отдать мысли — вечности**.

⁶ Как, например, в молитве Оптинских старцев: <http://www.optina.ru/prayers/>. О православной молитве см.: <http://www.pravmir.ru/molitva-vstrecha-molitva-dialog/>.

Отметим, что в русском языке представлено два понимания концепта «Вечность». Материалистическое понимание вечности как «бесконечности времени существования материального мира» отражено в толковых словарях русского языка (*вечность* — это «очень долгое время, бесконечность»), а также и в таких употреблениях, как *Уже вечность мы с тобой знакомы* [Яковлева, с. 91]. Другое, нематериалистическое, понимание вечности как инобытия вне времени характерно прежде всего для религиозного дискурса⁷. Оппозиция мгновения и вечности раскрывает религиозные представления о времени: в православном богословии время рассматривается «как последовательность мгновений, каждое из которых причастно вечности», приобщение к вечности осуществляется в сознании человека, в частности в молитве [Догматическое богословие]⁸. Об оппозиции временного и вечного, о вертикальной темпоральной оси, противопоставляющей и связывающей Момент (Миг) и Вечность, писали многие философы и филологи [см.: Бабенко, 2004, с. 201; Мамардашвили; Прохоров, с. 20–22; Яковлева, с. 87–95; и др.]. Н. Д. Арутюнова считает, что в любом образе мира есть противопоставления временного и вечного, естественного и сверхъестественного, дольного мира и горнего мира, земного и неземного. Соответственно, «воплощенность времени в земном существовании заставляет различать конечное время и вечность», изменение и неизменность [Арутюнова, с. 689].

По мнению протоиерея Александра Шмемана, исследователя творчества А. И. Солженицына, в «Крохотках» в описанных и воспетых мгновениях жизни отражается «образ вечности, данный каждому» [Шмеман, с. 138].

4. Заключение

Итак, в данной статье на материале «Крохоток» А. И. Солженицына представлен анализ художественного образа времени, реализующего концептуальный потенциал граммы настоящего времени.

Широкий диапазон семантики грамматического настоящего позволяет А. И. Солженицыну создать многомерный образ времени, раскрывающий ценность моментов жизни, с максимальной детализацией всех аспектов изображаемого события и обобщением их значимости. Сосредоточенность повествователя на переживаемом или вспоминаемом конкретном моменте и осмысление концептуальных связей описываемой ситуации предстает как темпоральная модель, фокусирующая все произведение, состоящее из семнадцати миниатюр, — как его семантическая доминанта, которая реализуется во взаимодействующих образах

⁷ Более подробный анализ семантики слов *вечный*, *вечность* в современном русском языке см. в: [Коннова].

⁸ Ср. также: «Два выхода открываются в вечность: индивидуальный выход через мгновение и исторический выход через конец истории и мира» [Бердяев, 1991, с. 310]; «Вечная жизнь наступает уже во времени, она может раскрыться в каждом мгновении, в глубине мгновения как вечное настоящее» [Бердяев, 1993, с. 226].

«укрупнения мгновения», замедления времени и расширения настоящего. Описание и осмысление конкретных историй и бытовых сценок учат читателя тому, о чем философ И. Ильин написал большой философский трактат, посвященный духовным утратам, проблемам и задачам российского общества [Ильин]: «проникновению в глубь вещей», «сердечному созерцанию», постижению сущности «естественного бытия». Смотри, наблюдай, оценивай, помни, благодари, изумляйся, не упрощай, постигай «серьезность жизни, ее нерастеребленный смысл»! Поэтому закономерным завершением каждого цикла выступают миниатюры-молитвы, в которых лирический герой исповедует обретенного Бога, отдавая и призывая читателя отдать «мысли вечности», связывая с ней «благодательные миги».

Рассмотренный художественный образ времени является антиподом техноцентричной модели времени, как она описывается в современных социологических исследованиях, в частности, в упомянутых выше. Сетевые онлайн-трансляции, синхронизация и ускорение информационных процессов, возможность в любое время обратиться к сетевым новостям, независимо от реальной последовательности представленных в них событий, передача огромного объема информации в бесконечно малый миг (с постоянным увеличением данного объема и сокращением «мига») — все эти и другие технологические инновации, так изменившие нашу жизнь и усовершенствовавшие информационные и коммуникационные процессы, несовместимы с образом индивидуально переживаемого мгновения в линейном потоке времени. Нелинейная динамика и лишнее длительное событие (как акт передачи информации или решения виртуальных задач) в виртуальном пространстве трансформирует и представление о вечности (если сравнить его с концептами русской языковой картины мира) — вечность предстает как темпоральная структура, не имеющая начала и конца [Алексина].

Как представляется, при изучении в гуманитарных науках воздействия техноцентричной модели времени на пользователей интернета, сетевой коммуникации и компьютерных игр, важно учитывать и использовать языковые и художественные образы времени как когнитивные ориентиры в сохранении картины реального мира и для предотвращения ее смешения с виртуальными образами.

Источники

Солженицын А. Рассказы. Крохотки. М.: ЭКСМО, 2010. (Библиотека всемирной литературы).

Исследования

Алексина Т. А. Время как феномен культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/aleksina_vremia.html (дата обращения: 27.06.2016).

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. Екатеринбург : Деловая книга ; М. : Академический проект, 2004.

Бабенко Л. Г. Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров // Новые подходы к изучению семантики : материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург / [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 3–18.

Белякова С. М. Настоящее и будущее в русском лингвокультурном пространстве // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 224–235.

Бердникова Т. В. Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения // Жанры речи. Вып. 6 : Жанр и язык : сб. науч. ст. Саратов : Наука, 2009. С. 381–388.

Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991.

Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993.

Берестов В. Возвращенец // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. Альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Рус. путь, 2005. С. 195–204.

Болдырев Н. Н., Беседина Н. А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. № 1. С. 3–10.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М. : Просвещение, 1971.

Гаджиев К. С. Проблема ускорения времени [Электронный ресурс] // Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М. : Логос, 1998. URL: <http://uchebnik-online.com/129/1495.html> (дата обращения: 27.06.2016).

Догматическое богословие (автор раздела VII «Время и вечность» архим. Исаия Белов). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=70634> (дата обращения: 27.06.2016).

Дубровский Д. И. Субъективная реальность как «текущее настоящее»: анализ ее динамической структуры (в связи с задачами расшифровки мозговых кодов) // *Präsens* : сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; [под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Е. И. Пивовара]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 103–119.

Дударев А. Экзорцист русской души: христианское служение А. И. Солженицына [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2008. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/10/du7.html> (дата обращения: 27.06.2016).

Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin04.htm> (дата обращения: 27.06.2016).

Ильинская Е. А. Время и интернет пространство // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 8 (35). Т. 2. С. 24–28.

Заботкина В. И., Коннова М. Н. Техноцентричная (виртуальная) модель времени // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. (Studia philologica). С. 405–416.

Кастельс М. Край вечности: вневременное время [Электронный ресурс] // Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 27.06.2016).

Кодзис Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199703001> (дата обращения: 15.09.2014).

Колобаева Л. А. «Крохотки» // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 39–44.

Коннова М. Н. Когнитивные механизмы изменения значения темпоральных прилагательных (корпусный аспект) // Языковое сознание и когнитивное моделирование / отв. ред. Л. Фурс. М. ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 55–66. (Когнитивные исследования языка ; вып. 16).

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Лавренов П. Образ Времени в творчестве А. И. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М. : Рус. путь, 2005. С. 195–204.

Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 94–113.

Мамардашвили М. Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1989. С. 263–269.

Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996.

Падучева Е. В. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое [Электронный ресурс] // Материалы конференции «Диалог–2010». URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/57.htm>, 2010 (дата обращения: 27.06.2016).

Петрухина Е. В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 2013. № 4. С. 49–69.

Петрухина Е. В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015а. № 3 (044). С. 59–71.

Петрухина Е. В. Векторы времени и русская языковая картина мира // Проблемы современной лингвистики: на стыке когнитивной и коммуникации / отв. ред. Н. Болдырев. М. ; Тамбов : Ин-т языкознания РАН : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015б. С. 106–113. (Когнитивные исследования языка ; вып. 21).

Пробст Н. А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.

Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010.

Руденко М. С. Художественное осмысление религиозных образов и мотивов в поэзии Анны Ахматовой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Часть четвертая // Новый мир. 2003. № 11. С. 33–97.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 1999. № 1. С. 88–115.

Уржа А. В. Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 2015. № 1. С. 76–94.

Христианство : энцикл. слов. : в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М. : Большая российская энциклопедия, 1993–1995. Т. 2 : Л–С.

Цынк С. В. Ритм именной молитвы А. И. Солженицына [Электронный ресурс] // Успехи современного естествознания. 2005. № 1. С. 71–86. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7835> (дата обращения: 27.06.2016).

Шмеман А. «Образ вечности, данный каждому» // Шмеман А. Проповеди и беседы. М. : Паломникъ, 2000. С. 138–151.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. М. : Гнозис, 1994.

Bjorling F. As time goes by... Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction // Telling forms : 30 Essays in Honor of Peter Alberg Jensen / ed. by K. Grelz and S. Witt. Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 2004. P. 17–36. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature, 37).

Strate L. Cybertime // Communication and cyberspace: social interaction in an electronic environment / ed. by L. Strate, R. Jacobson, S. B. Gibson. Cresskill, New Jersey : Hampton Press, Inc., 1996. P. 351–377.

Поступила в редакцию 14.07.2017

Принята к печати 08.09.2017

Петрухина Елена Васильевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП,
МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус
гуманитарных факультетов (1-й ГУМ),
филологический факультет
E-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Petrukhina, Elena Vasilievna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of the Russian Language
Lomonosov Moscow State University
1st Building of the Faculties of Humanities
(1st GUM)
Faculty of Philology, Leninskiye Gory, GSP,
Lomonosov Moscow State University,
119991 Moscow, Russia
Email: elena.petrukhina@gmail.com

**TEMPORAL MODELS OF EXPANSION OF THE PRESENT TENSE
IN THE GRAMMATICAL SYSTEM AND LITERARY TEXT
(With Reference to *Krokhotki* by A. I. Solzhenitsyn)**

The aim of this article is to carry out a conceptual analysis of the usage of present forms in the mini-stories *Krokhotki* (Eng. *Miniatures* or *Prose Poems*) by A. I. Solzhenitsyn. The author tries to show the relevance of grammatical semantics to the study of perception of time in a given language community. The features of the Russian tense system are defined by the interaction of tense and aspect. Imperfective present forms express all types of present semantics bringing together the current, generalised, and metaphorical present (*Praesens Historicum*). Thus, there appears a mechanism of expansion of the present in the Russian language. The image of time in the *Krokhotki*, defined in literary studies as “coarsening of a moment”, becomes particularly important in connection with the comprehension of changes in the perception of ontological parameters of time described in sociology. Such changes occur under the influence of modern computer technologies and the global Internet. More particularly, the notions of experiencing a moment in a linear flow of time, and the boundaries of the present time change. The model of time in *Krokhotki* is characterised, on the one hand, by the effects of time dilation and concentration of the narrator on the current moment with maximum detail of all aspects of the depicted events, and on the other — by the expansion of boundaries of the current moment due to its generalisation. This is how the full conceptual potential of the present tense is implemented. A wide range of grammatical semantics of the present tense allows for the creation of a multi-dimensional image of time, revealing the value of life moments with maximum detail of all aspects of the depicted events and generalisations of their significance. Such an image of a moment of time serves as a semantic dominant of the whole literary work consisting of 17 miniatures. The composition of two cycles of miniatures in the *Krokhotki* is very important for the image of time, too; each cycle ends in miniatures in the form of prayers. As a literary genre, the poetic prayer, keeping the basic features of a religious prayer, gets some features inherent in lyrical literary work: it allows the artist to reveal the deep layers of the creative and the human “I” and to express what generally refers to the area of the ineffable. The analysis of temporal patterns of language is important to determine the cognitive landmarks in the cognition of time ontology preserved in the Russian language.

Key words: temporal models; present tense; philological analysis of literary text; A. I. Solzhenitsyn.

- Aleksina, T. A. *Vremja kak fenomen kul'tury* [Time as a Phenomenon of Culture]. Retrieved from http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/aleksina_vremia.html. (In Russian)
- Apresyan, Ju. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 2: *Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija* [Integral Description of Language and Systematic Lexicography]). Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury". (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian)
- Averintsev, S. S. (Ed.). (1993–1995). *Hristianstvo: slovar'* [Christianity: A Dictionary] (Vols. 1–3). Moscow: Bol'shaja rossijskaja entsiklopedija. (In Russian)
- Babenko, L. G. (2004). *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: uchebnik dlja vuzov* [Philological Text Analysis. Theoretical Foundations, Principles, and Aspects of Analysis: University Handbook]. Yekaterinburg: Delovaja kniga; Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)
- Babenko, L. G. (2012). Kommunikativnoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta v svete teorii rechevyh zhanrov [Communicative Space of a Literary Text in the Speech Genres Theory]. In T. M. Voronina, & A. M. Plotnikova (Eds.), *Novye podhody k izucheniju semantiki* [New Approaches to Semantics] (pp. 3–18). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Belyakova, S. M. (2016). Nastojashhee i budushhee v russkom lingvokul'turnom prostranstve [The Present and the Future in Russian Linguo-Cultural Space]. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye nauki*, 1 (148), 224–235. (In Russian)
- Berdnikova, T. V. (2009). Dialogizm zhanra molitvy v strukture liricheskogo stihotvorenija [Dialogism of the Prayer Genre in the Structure of a Poem]. In *Zhanry rechi: sbornik nauchnyh statej* [Speech Genres: A Collection of Scholarly Articles] (Iss. 6: *Zhanr i jazyk* [Genre and Language], pp. 381–388). Saratov: Nauka. (In Russian)
- Berdyayev, N. A. (1991). *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (Attempt at Philosophical Autobiography)]. Moscow: Kniga.
- Berdyayev, N. A. (1993). *O naznachenii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow: Respublika.
- Berestov, V. (2005). Vozvrashhenec [Returnee]. In N. A. Struve, & V. A. Moskvina (Eds.), *Mezhdvu dvumja jubilejami (1998–2003): Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna* [Between Two Anniversaries (1998–2003): Literary Scholarship on A. I. Solzhenitsyn] (pp. 195–204). Moscow: Russkij put'. (In Russian)
- Bjorling, F. (2004). As time goes by... Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction. In K. Grelz, & S. Witt (Eds.), *Telling Forms : 30 Essays in Honor of Peter Alberg Jensen. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature*, 37, 17–36. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Boldyrev, N. N., & Besedina, N. A. (2007). Kognitivnye mehanizmy morfologicheskoy reprezentacii v jazyke [Cognitive Mechanisms of Morphological Representation in Language]. *Izvestija RAN. Serija literaturny i jazyka*, 1, 3–10. (In Russian)
- Bondarko, A. V. (1971). *Vid i vremja russkogo glagola* [Aspect and Tense of the Russian Verb]. Moscow: Prosveshhenie. (In Russian)
- Castells, M. (2000). Kraj vechnosti: vnevremennoe vremja [The Edge of Forever: Timeless Time]. In M. Castells, *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow: HSE. Retrieved from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php. (In Russian)
- Dubrovsky, D. I. (2012). Subektivnaja real'nost' kak "tekushhee nastojashhee": analiz ee dinamicheskoy struktury (v svjazi s zadachami rasshifrovki mozgovyh kodov) [Subjective Reality as the 'Flowing Present': Analysis of its Dynamic Structure (with the Purpose of Deciphering Brain Codes)]. In E. I. Pivovarov (Ed.), *Präsens* (pp. 103–119). Moscow: OLMA Media Group. (In Russian)
- Dudarev, A. (2008). Jekzorcist russkoj dushi: hristianskoe sluzhenie A. I. Solzhenitsyna [The Exorcist of the Russian Soul: The Christian Mission of Alexandr Solzhenitsyn]. *Sibirskie ogni*, 10. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/sib/2008/10/du7.html>. (In Russian)

Gadzhiev, K. S. (1998). Problema uskorenija vremeni [The Issue of Time Acceleration]. In K. S. Gadzhiev, *Vvedenie v geopolitiku* [An Introduction to Geopolitics]. Moscow: Logos. Retrieved from <http://uchebnik-online.com/129/1495.html>. (In Russian)

Ilyin, I. A. (1993). *Put' k ochevidnosti* [The Way to Insight]. Moscow: Respublika. (In Russian)

Ilyinskaja, E. A. (2013). Vremja i internet prostranstvo [Time and Internet Space]. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*, 8 (35), 2, 24–28. (In Russian)

Kodzis, B. *Liricheskie miniatiury Aleksandra Solzhenitsyna* [Lyric Miniatures by Alexandr Solzhenitsyn]. Retrieved from <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199703001>. (In Russian)

Kolobaeva, L. (1999). Krohotki [Prose Poems]. *Literaturnoe obozrenie*, 1, 39–44. (In Russian)

Konnova, M. N. (2014). Kognitivnye mehanizmy izmenenija znachenija temporal'nyh prilagatel'nyh (korpusnyj aspekt) [Cognitive Mechanisms of Transformations in the Meaning of Temporal Adjectives (Corpus Aspect)]. In L. Furs, *Jazykovoe soznanie i kognitivnoe modelirovanie* [Language Consciousness and Cognitive Modelling] (*Kognitivnye issledovaniya jazyka*, Iss. 16, pp. 55–66). Moscow; Tambov: Publishing House of Tambov State University. (In Russian)

Kubryakova, E. S. (2004). *Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and Cognition. Language Studies: Cognitive Approach to Studying Parts of Speech. The Role of the Language in Understanding the World]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)

Lavrenov, P. (2005). Obraz Vremeni v tvorčestve A. I. Solzhenitsyna [Time in A. I. Solzhenitsyn's Works]. In N. A. Struve, & V. A. Moskvina, *Mezhu dvumja jubilejami (1998–2003): Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorčestve A. I. Solzhenitsyna. Al'manah* [Between Two Anniversaries (1998–2003): Writers, Critics, and Literary Scholars Discuss Alexandr Solzhenitsyn's Works. An Almanac] (pp. 195–204). Moscow: Russkij put'. (In Russian)

Lübbe, H. (1994). V nogu so vremenem. O sokrashhenii našego prebyvanija v nastojashhem [Keeping up with the Time. On the Shortening of our Presence in the Present]. *Voprosy filosofii*, 4, 94–113. (In Russian)

Mamardashvili, M. (1989). Ideja preemstvennosti i filosofskaja tradicija [The Idea of Continuity and Philosophical Tradition]. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik* (pp. 263–269). Moscow: Nauka. (In Russian)

Maslov, Ju. S. (2004). *Izbrannye trudy: Aspektologija. Obshhee jazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa* [Semantic Studies. The Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language. Narrative Semantics]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2010). K interpretacii vido-vremennyh form v narrativnom rezhime: nastojashhee istoričeskoe [On the Interpretation of Aspectual-Temporal Verb Forms in the Narrative Mode: Historical Present]. In *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Meždunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 26–30 maja 2010 g.)* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of International Conference 'Dialogue'. Bekasovo, 26–30 May, 2010] (Iss. 9 (16), pp. 375–381). Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities. (In Russian)

Petruchina, E. V. (2013). Tipy processnoj semantiki nesovershennogo vida v russkom i česhskom jazykah [Types of Process Semantics of the Imperfective Aspect in the Russian and Czech Languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija*, 4, 49–69. (In Russian)

Petruchina, E. V. (2015a). Konceptual'nyj potencial kategorii nastojashhego vremeni v russkom jazyke: mezhdisciplinarnyj podhod [Conceptual Potential of the Category of Historical Present in the Russian Language: Interdisciplinary Approach]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3, 59–71.

Petruchina, E. V. (2015b). Vektory vremeni i russkaja jazykovaja kartina mira [Time and the Russian Linguistic Worldview]. In N. Boldyrev (Ed.), *Problemy sovremennoj lingvistiki: na styke kognicii i kommunikacii* [Issues of Modern Linguistics: Cognition and Communication] (*Kognitivnye*

issledovaniya jazyka, Iss. 21, pp. 106–113). Moscow; Tambov: Institut jazykoznanija RAN; Publishing House of Tambov State University. (In Russian)

Probst, N. A. (2014). *Voprositel'no-pobuditel'naja modal'nost' kak mezhpolevaja zona makropolja modal'nosti v sovremennom russkom jazyke* [Interrogative and Causative Modality as an Interfield Zone of the Modality Macro-Field in the Modern Russian Language] (doctoral dissertation). Kaliningrad. (In Russian)

Prokhorov, G. M. (2010). *Drevnjaja Rus' kak istoriko-kul'turnyj fenomen* [Ancient Rus as a Historical and Cultural Phenomenon]. St Petersburg: Oleg Abyshko's Publishing House (In Russian)

Rudenko, M. S. (1996). *Hudozhestvennoe osmyslenie religioznych obrazov i motivov v poezii Anny Ahmatovoj* [Poetic Interpretation of Religious Images and Motifs in Anna Akhmatova's Works] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Schmemmann, A. (2000). *Obraz vechnosti, dannyj kazhdomu* [Concept of Eternity Accessible to Everyone]. In A. Schmemmann, *Propovedi i besedy* [Sermons and Conversations] (pp. 138–151). Moscow: Palomnik. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2003). *Ugodilo zernyshko promezh dvuh zhernovov. Ocherki izgnaniya. Chast' chetvortaja* (1987–1994) [The Grain Fell between Two Millstones. Sketches of Exile. Part Four]. *Novyj mir*, 11, 33–97. (In Russian)

Strate, L. (1996). Cybertime. In L. Strate, R. Jacobson, & S. B. Gibson (Eds.), *Communication and cyberspace: social interaction in an electronic environment* (pp. 351–377). Cresskill, New Jersey: Hampton Press, Inc.

Talmi, L. (1999). *Otnoshenie grammatiki k poznaniju* [Grammar as Related to Cognition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1, 88–115. (In Russian)

Tsynk, S. V. (2005). *Ritm imennoj molitvy A. I. Solzhenitsyna* [The Rhythm of Alexandr Solzhenitsyn's Private Prayer]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*, 1, 71–86. Retrieved from <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7835>. (In Russian)

Urzha, A. V. (2015). *Funkcional'nye sputniki nastojashhego istoricheskogo v russkikh perevodah narrativnykh tekstov* [Functional Companions of the Historical Present in Russian Translations of Narrative Texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1, 76–94. (In Russian)

Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow: Gnozis. (In Russian)

Zabotkina, V. I., & Konnova, M. N. (2012). *Tehnocentrichnaja (virtual'naja) model' vremeni* [Technocentric (Virtual) Model of Time]. In V. I. Zabotkina (Ed.), *Rossija: izmenjajushhij obraz vremeni skvoz' prizmu jazyka. Reprezentacija koncepta vremeni v russkom jazyke v sopostavlenii s anglijskim i nemeckim jazykami* [Russia: The Changing Image of Time through the Prism of Language. Representation of the Concept of Time in the Russian Language in Comparison to English and German] (pp. 405–416). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian)

Submitted on 14 July, 2017
Accepted on 08 October, 2017